

РАСОВЫЙ ДИСКУРС И ОБРАЗ АФРИКИ

В.В. УСАЧЕВА

Кандидат политических наук
Институт Африки РАН

Ключевые слова: образ Африки, расизм, расовый дискурс, американский расовый опыт, глобальные медиа, образ Африки в СССР и современной России

Традиционное определение расового дискурса, восходящего к мыслителям викторианской эпохи, таким, как Ф.Гальтон, сводит его к набору идей о врожденных особенностях, инстинктах, цвете кожи и расовой чистоте, использовавшихся для обоснования и оправдания социального неравенства. В современных обществах такое понимание, безусловно, считается архаичным и уступает свои позиции под натиском политкорректности нового типа - «дискурса о культуре», согласно которому та или иная группа, народ, этнос описываются как культурное, а не расовое образование¹.

Между тем, как отмечает российский исследователь В.Шнирельман, «большинство обывателей, руководствующихся «здоровым смыслом», по-прежнему видят в расе биологическую реальность»². В результате прежний расовый дискурс никуда не исчезает, просто применяет терминологию из области культуры, трансформирующуюся в скрытые коды для манифестации расовой нетерпимости. Таким образом, «дискурс о культуре» нередко камуфлирует все те же расовые теории, которые направлены на более или менее откровенную и открытую дискриминацию различных социальных групп, маркируемых как «культурно иные»³.

РАСОВЫЙ ДИСКУРС И ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО

Любопытный пример идеологического использования дискурса о культуре приводят британские социологи Дж.Поттер и М.Уэтерелл, анализировавшие проблему культурной идентичности среди новозеландцев. При

Расовый дискурс, сложившийся на Американском континенте, на протяжении десятилетий определял принципы восприятия Африки и африканцев во всем мире.

этом белые новозеландцы рассматриваются как прогрессивные, либеральные, эгалитарные личности, заинтересованные и открытые для других культур, «цивилизованные» люди. *Маори* же, коренное население Новой Зеландии, в случае утраты культурной идентичности не становятся цивилизованными автоматически, скорее - «лишенными корней»⁴. Трудно найти здесь серьезные отличия от расового дискурса, кроме большей изощренности описания. У *маори* есть культура, которую белые могут изучать. А у белых есть цивилизация. «Другими словами, мнения современного мира - это есть здравый смысл. В этом дискурсе *маори* становятся экзотикой, а белое большинство - «нормой»⁵. Политкорректность культурного дискурса не должна вводить в заблуждение: фактически он совершает ту же идеологическую работу, что и традиционный расовый дискурс, - поддерживает идею различия, представляемого «естественным», и выдвигает на первый план обоснование общественного неравенства с точки зрения доминирующей группы»⁶.

Необходимо подчеркнуть, что расовый дискурс, воспроизводящий расовые предрассудки, организует общество таким образом, что одни группы доминируют и подавляют другие⁷. С точки зрения социальных психологов, занимающихся дискурсивным анализом, категоризирующая функция дискурса выступает механиз-

мом конструирования социальной реальности⁸, а расизм квалифицируется не как «личностная патология», а как «как социальная патология, сформированная отношениями власти и конфликтующими отношениями групп»⁹. Сама социальная структура рассматривается как производная от дискурса: «...дискурсивный акт создает группы, интересы, эмоции, сходства и различия, социальный пейзаж, антропологию, психологию идентичности и даже географию»¹⁰.

Сходного мнения придерживаются и современные социологи, которые видят в расе искусственную конструкцию («раса является продуктом расизма, а не наоборот»), - одно из средств создания и описания идентичности. При этом они подчеркивают, что раса остается важным понятием, определяющим и узаконивающим действия людей в социально-политической сфере¹¹. Социологи говорят о «расиализации» - явлении, предполагающем восприятие социального, политического или экономического положения групп в расовых терминах, поэтому и сами группы маркируются как расовые. Причем раса - это не некий фантом: «расы, безусловно, существуют, но они не обладают самостоятельным биологическим бытием вне того социального смысла, который мы придаем биологическому объяснению»¹².

Именно поэтому анализ расового дискурса, расизма следует проводить с учетом широкого социального и политического контекста.

ОБРАЗ АФРИКИ

Любая попытка анализа образов Африки и африканцев неиз-

бежно затрагивает проблему расовой дискриминации, так как история формирования имиджа континента - это история расизма и попыток его преодоления, иногда вполне успешных.

Многие исследователи подчеркивают, что история расизма начинается с эпохи великих географических открытий. Люди, которых «европейские мореплаватели увидели в Америке, Южной Африке и Западной Индии, не просто верили в других богов и говорили на других языках, но имели кожу другого цвета»¹³.

По мнению американского психолога С.Холла, западные идеи о «расе» и представления о расовых различиях были в основном сформированы тремя судьбоносными встречами с «другими людьми»¹⁴. Первая совпала с началом великих географических открытий. Вторая произошла в период раздела Африки, когда европейские державы боролись за контроль над территориями, рынками и источниками сырья и расизм выступил как идеология колонизации, как «теория», придававшая ей легитимность. Колониализм «расчленил человечество на группы, одни из которых, в силу своего превосходства, предопределены к господству, другие, в силу своей ущербности, - к подчинению»¹⁵.

В третий раз Запад встретился с выходцами из бывших колоний после Второй мировой войны, когда в Европу и Америку хлынули мигранты из стран Третьего мира.

С первой встречи образы расовых различий стали распространяться посредством записей путешественников, литературных произведений, карт, иллюстраций, устных рассказов и т.д. Африканцы ассоциировались с природой, становились символами первобытности, примитивизма - по контрасту с «цивилизованным миром». В Европе устраивались специальные «колониальные» выставки, на которых подобные «образы» становились достоянием широкой публики. Вот как описывал выставку 1931 г. тогдашний парижский корреспондент

«Известий» Илья Эренбург: «Венсенский лес был переполнен посетителями. Построили пагоды, дворцы, бутафорские деревни. Негры должны были на виду у всех работать, есть, спать. Женщины кормили грудью детишек. Зеваки толпились вокруг, как в зоопарке». К этому можно добавить: некоторые посетители бросали живым экспонатам игрушки и еду, как в зверинце»¹⁶.

Многие исследователи пишут о том, что образы выходцев из Африки в Америке (и Северной, и Южной) служили для оправдания работорговли и использования рабского труда. Черный континент изображался как место, которому свойственны абсолютная дикость, каннибализм, демонические культы и разврат. Приводились различные «биологические» аргументы, основанные на реальных и воображаемых психологических или анатомических различиях, которые якобы предопределяют интеллектуальное и физическое превосходство белого человека»¹⁷.

ОБРАЗ АФРИКАНЦА В КИНО

Наиболее интересной представляется эволюция образа африканца в кино, а затем на телевидении. Именно американский кинематограф стал тем средством массовой информации, с помощью которого расово окрашенные образы начали широко распространяться как внутри США, так и в мире в целом.

«Фабрика грез» использовала набор стереотипов, где на одном полюсе было представление о черных как о ленивых от природы, примитивных, склонных к рабскому поведению; на другом - как о «благородных дикарях», добрых христианах, преданных слугах. Американское кино в известном смысле выкристаллизовало определенные предубеждения и представления и превратило их в штампы и стереотипы.

Американский исследователь Д.Богл выявил пять основных расов, перекочевавших из эпохи рабства на телеэкраны: предан-

ный послушный «Том»; «печальный мулат» - грубый, забавный чернокожий; «цветная женщина», мучительно раздираемая двойственным расовым наследием, культурой и традициями; «Мамми» - няня-негритянка - прототип домашней служанки, обычно очень полная, сварливая «командирша», преданная своим белым хозяевам (например, «Мамушка» из кинофильма «Унесенные ветром», 1939); и, наконец, большой, сильный «Плохой Бак», гиперсексуальный, дикий, склонный к насилию и приходящий в бешенство при виде кожи белого цвета»¹⁸. Несмотря на то, что с течением времени образ африканца в американском кинематографе претерпел значительные изменения, отголоски стереотипов, появившихся в эпоху рабства и сегрегации, ощущаются и в современных СМИ. Множество примеров тех же образов можно найти в изображении «черной молодежи» и ее субкультуры, а также «черных кварталов».

РАСИЗМ И СМИ

Расовые представления обнаруживаются и в ежедневных новостях - т. н. реальных СМИ. И если изображение афроамериканцев в кино не вызывает сильной критики, то в ситуации с другими средствами массовой информации дело обстоит иначе. Американский этнолог О.Ганди в своей книге «Коммуникация и раса: структуралистская перспектива» утверждает, что СМИ воспроизводят расизм»¹⁹. Большинство новостей, касающихся меньшинств, прежде всего черных, в США сосредоточены на развлечениях, спорте, проблемах бедности и криминале. Складывается впечатление, что среди черных существуют прекрасные атлеты и артисты, но широко распространены бедность и криминал. За кадром остаются простые афроамериканцы, среди которых - инженеры, доктора, преподаватели, государственные служащие и т.д. Упускается из виду и то, что преступления могут совершаться белыми, среди которых, к тому же,

также распространены бедность и неграмотность. В результате эти социальные болезни в общественном сознании ассоциируются с африканцами.

Исследование фотографий в ведущих журналах США, проведенное М.Гиленсом, показывает, что число изображений черных людей, иллюстрирующих истории о нищете, несоразмерно реальной ситуации. Но что еще более важно - это характер фотографий. Как правило, афроамериканцы подаются таким образом, что не способны вызывать никакой симпатии (старики, люди с физическими недостатками и т.п.)²⁰.

Проводились также исследования новостных программ каналов *ABC*, *CBS* и *NBC*, действующими лицами которых были афроамериканцы, редко обсуждавшие серьезные экономические вопросы, темы, касающиеся международных отношений, выборов; они также практически не привлекались в качестве экспертов.

В то же время черные часто выступали экспертами по расовым вопросам и проблеме дискриминации. Надо сказать, что именно такие факторы, как черная безработица, неэффективное школьное образование, неполные семьи, способствовали криминализации черного населения. Исследователями было отмечено, что белые преступники гораздо чаще, чем афроамериканские, назывались по именам, то есть выступали как конкретные лица, а не представители некой вредоносной общности.

В журналистских историях, героями которых были своеобразные прототипы американцев - детей и взрослых, обычно рассказывалось об упорном труде, успехах, заботе о ближнем, долге перед нацией, и все персонажи без исключения были белыми. В результате напрашивался вывод о том, что под «американцем» автоматически подразумевается «белый»²¹. Более того, большинство жителей США представляют «Америку страной демократии: наши руководители действуют в

соответствии с желаниями людей, наша экономика - свободна, а Бог - живой, белый и мужчина»²².

Впрочем, в последнее время появились американские фильмы, в которых Бог может быть женщиной, а один из апостолов - черным («Догма», 1999), и даже Бог - черный (в исполнении Моргана Фримана в фильме «Брюс всемогущий», 2003). Никого уже не удивит черный полицейский, судья, генерал и даже президент США.

В нашумевшем документальном фильме «Боулинг для Колумбины» (2002 г.) режиссера Майкла Мура наглядно показано, что миф о постоянной угрозе со стороны афро- и латиноамериканцев создан средствами массовой информации. Фильм, сконцентрированный на взаимосвязи насилия и страха в современной Америке, пытается ответить на вопрос, почему США являются мировым лидером по числу убийств с применением огнестрельного оружия. Существует устойчивое мнение, что причиной беспорядочной стрельбы могут служить нерешенные расовые проблемы и «этническая неоднородность». Автор фильма проследживает историю насилия в Америке со времен истребления индейцев, указывая, что с тех пор проблему расизма так и не решили, зато выработали универсальный образ общего врага - афроамериканца.

В фильме есть по-своему замечательный эпизод: рассуждая о «страхе» американцев, который СМИ постоянно подпитывают, режиссер приводит в качестве примера рассказ о нашествии пчел-убийц. По ходу повествования выясняется, что пчелы, которые, к тому же, чернее и крупнее обычных, еще и прилетели через Атлантику из Африки!

Современный этап развития СМИ характеризуется не просто «интернационализацией» вещания, т. е. трансляцией зарубежных программ телевидения²³, но и глобализацией, в рамках которой осуществляется асимметричный обмен информацией между развитыми и развивающимися

странами. Это часть процесса передачи своей картины мира, насаждения идеологии и, таким образом, создания основы для доминирования.

ЗАПАД И АФРИКА

Столетия неравноправных отношений между Западом и Африкой, работорговля, колониализм и неоколониализм предопределили появление классификации обществ и отдельных людей, согласно которой Африка сохраняет маргинальное положение и образ чего-то незначимого и периферийного. Глобальные СМИ отражают схему иерархии и доминирования, поддерживают и обновляют ее. Для американского обывателя Африка - это место, расположенное где-то «там», а люди, ее населяющие, - это некие «они», отличающиеся и иногда противостоящие «нам». Институционализация расовой дискриминации не могла не привести к тому, что экономические и социальные различия между группами приобрели характер культурных. Люди, на протяжении столетий принадлежавшие к «низшим» слоям, выработали коды социальной коммуникации, принципиально отличные от тех, которыми пользовались «высшие»: свой диалект, своих кумиров, свои ценности, свои поведенческие стандарты. Различия, обусловленные социальными факторами (например, раздельным образованием), предстали в качестве «естественных» различий в «ментальности», психологическом складе и т. п., а являющиеся результатом дискриминации - стали выглядеть как ее источник²⁴.

На современном этапе глобализации, в условиях, когда сложные системы телекоммуникаций, возросшая мобильность труда и капитала, увеличивающиеся потоки товаров сжимают и время, и пространство, формируя техноэкономический, геополитический и социокультурный ландшафты, масштаб расовых и культурных различий растет²⁵.

Западный, в основном американский, расовый опыт, как он

представлен в западных и глобальных СМИ, грозит распространением американского расового дискурса по всему миру, даже на те страны, где общество не структурировано по расовому признаку²⁶.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА АФРИКИ

Одной из основ, на которых строится образ Африки, является противопоставление **цивилизованного** и **нецивилизованного**, культуры и природы, причем африканцы отождествляются с последней. Отголоски «природного» образа можно найти в недавнем прошлом.

Так, в книге американского психолога Донны Харауэй «Представление о приматах: пол, раса и природа в мире современной науки», вышедшей в свет в 1989 г., говорится: «В 80-е годы телевидением и такими престижными журналами, как «National Geographic», создан целый эпос о белых женщинах-ученых, которые многие годы находятся в Африке, изучая и охраняя животных. Они живут в одиночестве, посреди дикой природы, их ближайший контакт с миром - в городке за сотню километров. Те помощники-африканцы (в том числе с высшим образованием), которые живут и работают рядом с ними, просто не считаются людьми. Тем более, жители деревни, которые снабжают женщин-ученых всем необходимым. Африканцы бессознательно и искренне трактуются как часть дикой природы»²⁷.

Вторая характерная особенность образа Африки - то, что она рассматривается не как действующее лицо, не как самостоятельный актер, а как жертва. Американские СМИ игнорируют новости с Черного континента, если они не о массовом голоде, стихийных бедствиях и конфликтах. В результате читатели воспринимают африканские государства как несостоятельные и нуждающиеся в западной помощи. Подобный образ, возможно, смягченный, но с явным патерналист-

ским оттенком, был присущ и советским СМИ, видевшим миссию СССР в спасении беспомощных африканцев.

Еще одна грань образа Африки - бедность. В глобальных СМИ Африка используется как метафора отсталости и безнадежности²⁸.

АФРИКА - «ДРУГАЯ»

В целом Африка представляется как «другая». В новостях постоянно присутствуют коллизии «мы-они», «белые-черные», «традиционные-современные», «цивилизованные-дикие», «утонченные-примитивные» и т.д. Подобные противопоставления - продукт исторически сформированных отношений, основанных на использовании фактора расовой принадлежности как принципа социальных взаимоотношений. «Черные» исторически ассоциированы с понятиями «дикие», «примитивные» и «они»; на другом понятийном полюсе находятся «белые», которые репрезентируют «нас» или европейцев и американцев²⁹.

Описание конфликтов в Африке, как правило, показывает героев сюжетов как людей, которыми управляют примитивные эмоции, отсутствие рационализма и интеллекта. Международное освещение конфликта между *хуту* и *тутси* в Руанде наводило на мысль, что геноцид был результатом некой врожденной межэтнической ненависти, что вылилось в иррациональное насилие, совсем не такое, как, например, в Северной Ирландии³⁰.

Многие африканисты³¹ указывают, что термин «tribe» - племя - уничижительный и беспомощный ярлык, используемый для усиления образа африканского примитивизма. Так называемые межплеменные конфликты могли бы описываться в других терминах. Но, хотя термин «tribe» появился в XIX в., в период формирования эволюционных и расистских теорий, он до сих пор активно употребляется в новостях из Африки.

Отчетливый расистский отте-

нок имеет термин «*Black-on-Black*», применяемый в репортажах из военных зон Африки. Европейские конфликты, даже межэтнические, как, например, в Боснии, никогда не рассматривались в формате «*White-on-White*» или как племенные.

В конце XX в. Запад попытался посмотреть на Африку «новыми глазами», работоторговля была признана преступной деятельностью, и некоторые страны принесли извинения за ее использование.

После этого на повестке дня исследователей материалов СМИ встал вопрос о взаимоотношениях между Севером и Югом; с этой точки зрения начали рассматриваться и новости, приходящие с Африканского континента, - «маленькие хорошие новости». «Северные» масс-медиа по-прежнему критиковались за склонность рассказывать только о «плохом» и драматизировать события, сосредотачивая внимание на засухах-переворотах-стихийных бедствиях как основных синдромах Юга³².

Наиболее яркий пример - цикл передач «Живая Африка» на Би-Би-Си (*Africa Lives on the BBC*). Эксперты неоднократно высказывали удивление тем, что даже в XXI в. ведущие СМИ не смогли отказаться от «имперских манер», используя для описания незападных стран такие клише, как «незападный другой», «незападный дальний родственник». «Я лично не верю, - писал Винсент Магомбе, координатор глобальной сети африканских журналистов «*Africa Inform International*», - что в наше время на Би-Би-Си работают продюсеры, редакторы, исследователи и журналисты, которые верят в расовое превосходство белых - открыто и бесстыдно - как это было во времена работоторговли или колониального управления Африкой. Но, вместе с тем, было бы наивным не замечать стереотипизацию и искаженную подачу незападных обществ и людей в современных западных СМИ, что уже само по себе является неприятной традицией, уходящей корнями

ми в темную и позорную историю колониализма и империализма»³³.

По мнению критиков программы, Би-Би-Си, скорее всего, не была главным вдохновителем этой серии передач. Судя по всему, это было инициативой британского премьера Тони Блэра и напрямую связано с подготовкой к саммиту Большой Восьмерки в в Глениглсе (Шотландия, 2005), на котором предполагалось обсудить политику в отношении Африки. После форума передача *Africa Lives on the BBC* закончила свое существование³⁴.

РАСОВЫЙ ДИСКУРС В РОССИИ

В отличие от стран Запада у России не было «судьбоносных встреч» с представителями Африканского континента, колоний, черного рабовладения и политики сегрегации. Отношение россиян к Африке и африканцам, иногда противоречивое, было отмечено взаимным любопытством, революционной солидарностью в годы борьбы за независимость и холодной войны.

Для огромного большинства советских людей африканец не был реальным лицом, представление о котором складывалось в результате непосредственного контакта. Пожалуй, единственным африканцем, широко известным еще в досоветской России, был «русский африканец» Ибрагим Ганнибал - арап Петра Великого, настолько ассимилировавшийся культурно, что, можно сказать, перестал быть черным. В фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976) прадеда великого поэта играет Владимир Высоцкий, и его измазанное ваксой лицо воспринимается как условное обозначение черной кожи.

Что касается самого А.С.Пушкина, то, как писала М.Цветаева: «Недурен российский классик, / Небо Африки - своим / Звавший, невское - проклятым!» Возможно, для Пушкина обращение к африканским корням было своего рода формой диссидентства, и

это не мешает считать его «солнцем русской поэзии» и «нашим всем». Влияние личности и образа А.С.Пушкина на восприятие россиянами африканцев требует отдельного обстоятельного исследования. Очевидно, однако, что именно его пример если не вдохновил, то уж точно обусловил такие, например, утверждения в поэтической форме.

Любовь к африканцам у русских в крови:

Идет по Москве чернокожий,
Не только улыбку - признание
в любви
Любой ему выдаст прохожий...

Евг. Долматовский

Более наивный и «приземленный» вариант признания привлекательности кого-то, внешне на тебя непохожего, изложен в любимой пионерами песенке: «Под черной кожей / У негра сердце тоже. / Оно ведь может / Смеяться и любить. / И крикнуть громко: // «Мы, негры, - люди тоже. / Но черной кожи / Не могут нам простить»³⁵.

Для России африканец всегда был иностранцем, его образ формировался литературой и пропагандой. В советской литературе 1920-х - 1950-х гг. «иностранец-чужой» - это всегда белый и нередко толстый мужчина. Обычно он житель Западной Европы или Америки, всегда классовый враг-угнетатель, наделенный лишь такими человеческими качествами, которые позволяют считать его «буржеем». Образа плохого черного в советской литературе этого периода, когда до изобретения политкорректности было еще далеко, найти невозможно. По словам Д.Мамедовой, «темный цвет кожи - это гарантия положительности. Черный иностранец - это «иностранец-свой», социально близкий и наделенный всяческими достоинствами. А если он находится в Советском Союзе, то уже свой в доску, платящий советским людям за любовь и сочувствие той же монетой. Хотя сочувствие было патерналистским, но все же искренним»³⁶.

Этому вторит и публицист Л.Рубинштейн: «Негры были объектом всеобщей любви и повального сердечного сочувствия. Хороший негр был мифологически противопоставлен плохому американцу. Негр был беден, честен, благороден и угнетен. Американец был богат, злобен, нахален и с утра до позднего вечера бряцал оружием. Каждому было понятно, что американец - это белый пузатый мужик с ногами на столе, с огромной сигарой во рту и мешком баксов в руке. Чтобы сомнений не было, на мешке значилось: «1 000 000\$». Негр же обязательно был симпатичным худощавым парнем - шейный платок, выдавшие виды брюки, открытая улыбка»³⁷.

Когда Л.Рубинштейн пытается вспомнить, каким образом слово африканец («негр», как он пишет) приобрело для него отчетливое визуальное наполнение, ему на память приходят картинки из «Крокодила», где «изможденный черный человек» чистит ботинки «нагло ухмыляющемуся мистеру-твистеру с сигарой в зубах», или обреченно читает надпись «Только для белых»; или картинки «из справедливо забытой, но когда-то страшно популярной книжки «Дети горчичного рая» или «Хижины дяди Тома».

Официальная пропаганда предлагала плакатные образы борцов с колониализмом, разрывающих цепи рабства, которых советские люди, в отличие от «западных капиталистов и колонизаторов», бескорыстно поддерживали в их борьбе.

Образы африканцев появились и в советском кино: художественные киноленты «Максимка» (1952)³⁸, «Пятнадцатилетний капитан» (1945) и, наверное, самый знаменитый - «Цирк» (1936) - идеологически выверенные манифесты пролетарского интернационализма и международной солидарности трудящихся. Режиссеры этих фильмов создали убедительные характеры угнетенных чернокожих - объектов жалости и сочувствия. Однако эти фильмы не свободны от расовых преду-

беждений. Отношение к африканцам было доброжелательным, но покровительственным. Русские моряки в фильме «Максимка» (история о спасении черного мальчика в водах Атлантики в 1864 г.) соглашались с тем, что «хоть африканцы и дикие, а тоже люди, и их пожалеть надо». Они отказываются высадить «арапчонка» в Голландии, потому что там такая же работорговля, как в Америке, и сравнивают себя с ним: «Сами недавно крепостными были». Моряки даже думают оставить Максимку на корабле, но сначала хотят его окрестить, чтобы он перестал быть «арапчонского звания».

В советском прошлом можно найти любопытные примеры рефлексии противопоставления культуры и природы. Например, мультфильм «Африканская сказка», созданный на основе произведения Джомо Кениаты³⁹. Он рассказывает о Черном человеке, который борется за освобождение своей страны от колониального гнета, и в образе которого персонифицированы человечность и культура. Дикость же представлена животными - колонизаторами, в которых зрители легко могут узнать США в образе самодовольного слона, Великобританию в виде льва-джентльмена, в крокодиле - Францию и в носороге - собирательный образ католической церкви, «пособники колонизаторов».

Надо сказать, что в 1980-е гг. стало возможным появление в отечественных кинофильмах и «нехороших» африканцев, но это были либо диктаторы, либо военная хунта, поддерживавшаяся капиталистическими державами (например, многосерийный фильм «ТАСС уполномочен заявить», 1984)⁴⁰.

Пожалуй, образ африканца в СССР был продуктом продуманной политики и пропаганды. Открытые проявления расовой нетерпимости были недопустимы, возможно, поэтому бытовой расизм был «парадоксальной формой низового диссидентства», реакцией на казенный «интернационализм». Как отмечает россий-

ский исследователь Д.Бондаренко, «в нашем обществе широко распространено мнение, которое мы считаем ошибочным: что расистов не было в Советском Союзе, а появились они уже в смутные 1990-е гг. фактически *deus ex machina* - из ниоткуда. Но ничто не может выйти из ничего, и, по крайней мере, во времена, когда вера в коммунистическую идеологию в народе угасала - в 1970-е - 1980-е гг., были люди (пусть, возможно, их было меньше, чем сегодня), которые, вопреки официальной пропаганде «пролетарского интернационализма», не любили расово «иных», в частности африканцев»⁴¹.

Эти низовые формы расизма позднее превратились в то, что ученые назвали «расизмом порусски»: «Это явление весьма противоречиво в своих проявлениях: неприязнь, подозрительность, публичная грубость, даже брезгливость могут сочетаться с почти наивным любопытством, великодушием, покровительством и преданностью»⁴². Григорий Сиятвинда, актер театра «Сатирикон», так описывает свое детство в Тюмени в 1970-е гг.: «...Это не было проявлением расизма. Я был единственным черным человеком в Тюмени, городе в Сибири, где вообще не было черных людей. И в этом причина повышенного любопытства ко мне со стороны окружающих. Впрочем, любопытство иногда было столь сильным, что переходило границы тактичности и деликатности»⁴³.

С началом либеральных преобразований в стране положительный образ африканца - наряду с другими достижениями советской эпохи - был отвергнут. Как отмечала Лили Голден, «долгожданная перестройка вместе с демократией и свободой слова принесла также и такие явления, как социальное неравенство, шовинизм, ксенофобия»⁴⁴.

Между тем, в конце XX в. стало очевидным, что человек с небелым цветом кожи вполне может оказаться соотечественником, россиянином, а не иностранцем. Это, наверное, и есть та са-

мая судьбоносная встреча с «другими», которую Запад пережил намного раньше. Печально то, что для восприятия этих «других» используются свойственные всем людям негативные социальные установки и уже готовые, выработанные в основном западной культурой, клише.

Критики западных масс-медиа считают, что «веками Запад связывал Африку с темнотой, отчаянием, коррупцией и хаосом»⁴⁵. Тот же образ транслируют современные российские СМИ, которые явно или неявно поддерживают версию о преимуществах западной цивилизации и ее ценностей, их приоритетного значения для слаборазвитых стран, которые рано или поздно, при определенных усилиях, должны пойти по пути прогресса и демократии.

В целом, тональность информационного освещения африканских событий в российских СМИ зависит от идеологической ориентации последних. Чем больше масс-медиа позиционируют себя как западно-ориентированные или либеральные, тем чаще в сюжетах о Черном континенте используются противопоставления Африки цивилизованному миру, в том числе и России.

Начиная с перестройки и до конца 1990-х гг. российские властные структуры и общество, озабоченные собственными социально-экономическими и политическими проблемами, не испытывали интереса к Африке. Непродуманные высказывания высокопоставленных чиновников РФ в начале 1990-х гг. привели к охлаждению отношений между Россией и африканскими странами. Широко известна, например, история о том, как в 1992 г. министр иностранных дел А.Козырев назвал Африканский национальный конгресс ЮАР «террористической» организацией. Мы можем наблюдать изменение образа Африки в официальном российском дискурсе с начала XXI в., когда российские лидеры стали корректировать позицию России по африканским вопросам, а идеологию вытеснили экономические интересы.

Тем не менее, существуют опасения, что расовый опыт Запада, особенно США, окажется стартовой точкой для появления расового дискурса во всей Европе, прежде всего в тех странах, где сконцентрировано большое число небелых эмигрантов из бывших колоний. В Британии, Франции, Германии и Италии этот дискурс распространяется на изображения и представления об индийцах, пакистанцах, марокканцах, алжирцах, палестинцах, турках, нигерийцах и др. Подобные процессы мы можем наблюдать и в сегодняшней России.

Некоторые черные россияне уже добились известности в Рос-

сии, в основном в области спорта и развлечений, в шоу-бизнесе. Елена Ханга однажды высказала надежду на то, что приход к власти Барака Обамы, ставшего первым афро-американским президентом США, будет способствовать и повышению престижа черных в России. «Я бы хотела видеть нас (черных россиян. - В.У.) достигшими успеха в политике или науке в России»⁴⁶.

Телеведущие Елена Ханга и Антон Зайцев, актер Григорий Сиятвинда, виджей канала MTV Иван Траоре (Иван Blackman), певица Корнелия Манго Донато стали русскими африканцами, роль которых в российском шоу-

бизнесе должна способствовать продвижению позитивного образа Африки, лишенного расовых предрассудков.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о сложностях, с которыми могут столкнуться российские СМИ в случае заимствования образа Африки из западных масс-медиа. Российские СМИ принимают и используют структурированный Западом образ, но подобная иерархия существует и в отношении образа самой России, которая в этой схеме - не-Запад, а такой же «другой» для Запада, как и Африка.

¹ Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений и дискурсивная психология // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5, с. 16-25.

² Шнирельман В. Расизм вчера и сегодня // «Pro et Contra», сентябрь-октябрь 2005 г., с. 45.

³ Goldberg D.T. The Semantics of Race // Ethnic and Racial Studies. 1992. Vol. 15. No. 4, p. 555; Lieberman L., Reynolds L. T. Race: The Deconstruction of a Scientific Concept - in: Race and Other Misadventures: Essays in Honor of Ashley Montagu in His Ninetieth Year / L.T. Reynolds, L. Lieberman (eds) / N. Y., 1996, p. 165-166.

⁴ Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. М., 2008, с. 70.

⁵ Там же.

⁶ Potter J., Wetherell M. Social representations, discourse analysis and racism - in: The psychology of the social /Ed by U.Flick/. Cambridge, 1998, p. 150.

⁷ Potter J., Wetherell M. Mapping the language of racism: Discourse and the legitimization of exploitation. L., 1992, p. 198.

⁸ Емельянова Т.П. Указ. соч., с. 20.

⁹ Potter J., Wetherell M. Mapping the language of racism..., p. 208.

¹⁰ Op. cit., p. 146.

¹¹ Шнирельман В. Указ. соч., с. 46.

¹² Visweswaran K. Race and the Culture of Anthropology // American Anthropologist. 1998. Vol. 100. № 1, p. 77.

¹³ Малахов В. Скромное обаяние расизма // «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М., 2001, с. 143.

¹⁴ Hall S. The Spectacle of the Other - in: Representation: Cultural Representations and Signifying Practice. Sage and the Open University, 1997.

¹⁵ Малахов В. Указ. соч., с. 144.

¹⁶ Эренбург И. Собр. соч. в 9 томах. Т. 8. М., 1966, с. 563. Цит. по: Сидорова Г. Колониальные экспозиции Франции и Бельгии в конце XIX-XX веках // Мир истории. 2002, № 5.

¹⁷ Fredrickson G.M. The Black Image in the White Mind. The Debate on Afro-American Character and Destiny, 1817-1914. Wesleyan University Press, 1987.

¹⁸ Bogle D. Toms, Coons, Mulattoes, Mammies and Bucks: an Interpretative History of Blacks in American Films. N.Y., 1989, p. 3-16.

¹⁹ Gandy Oscar H. Communication and Race: A Structural Perspective. N.Y., 1998.

²⁰ Gilens M. Why Americans Hate Welfare: Race, Media, and the Politics of Antipoverty Policy. Chicago, 1999.

²¹ Entman R., Rojecki A. The Black Image in the White Mind: Media and Race in America. Chicago, 2000.

²² Gerbner G., Gross L. Living with Television: the Violence Profile // Journal of Communication. 1976 Vol. 26, № 2, p. 174. Цит. по: Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. М., 1995, с. 76.

²³ Negrine R., Papathanassopoulos St. The Internationalization of Television. N.Y., 1990; Preben Sepstrup. Transnationalization of Television in Western Europe. London, 1990.

²⁴ Малахов В. Указ. соч., с. 146.

²⁵ Faye V. Harrison. Introduction: expanding the Discourse on «race» // American anthropologist 100(3): 609. (609-631), p. 199.

²⁶ Kareithi P. The White Man's Burden // Rhodes Journalism Review. August 2001, № 20, p. 7.

²⁷ Кара-Мурза С.Г. Манипуляторы сознанием. М., 2000.

²⁸ Kareithi P. Op. cit.

²⁹ Kenney Keith R. Images of Africa in news magazines: Is there a black perspective? // International Communication Gazette. 1995, p. 65.

³⁰ Kareithi P. Op. cit.

³¹ Capturing the Continent: U.S. Media Coverage of Africa. Africa News. № 33 (June). 1990; Brock L. Inkatha: Notions of the «Primitive» and «Tribals» in Reporting on South Africa - in: Africa's Media Image. N.Y., 1992, p. 149-161; Ebo B. American Media and African Culture - in: Africa's Media Image. N.Y., 1992, p. 15-25; Hawk B.G. Introduction: Metaphors of African Coverage - in: Africa's Media Image. N.Y., 1992, p. 3-14.

³² Quist-Adade Ch. In the Shadows of the Kremlin and White House. Africa's Media Image from Communism to Post-Communism. N.Y., Oxford, 2001, p. 102.

³³ Magombe V. 'Africa Lives on the BBC' - watershed or blip? // Global Media and Communication. Volume 2 (1), p. 122.

³⁴ Ibid., p. 123.

³⁵ Долматовский Е. Все только начинается. Стихи и песни. О светлой Африке, о любви, фантазерах и строителях. М., 1961.

³⁶ Мамедова Дж. Чужие ходят здесь. Толстяки, шпионы и иностранцы в детских советских книжках // Ex libris НГ, 1999, № 32 (104), август.

³⁷ Рубинштейн Л. Черным по белому // Ежедневный журнал, 17 мая 2002 г.

³⁸ Этот фильм был лидером проката, в 1953 г. его посмотрели 32,9 млн зрителей.

³⁹ «Африканская сказка» (1963), режиссеры Л.Аристов, И.Николаев.

⁴⁰ «ТАСС уполномочен заявить» (1984), режиссер В.Фокин.

⁴¹ Бондаренко Д.М., Гогуева Е.А., Серов С.Н., Шахбазян Е.В. Адаптация африканцев в Москве: особенности и проблемы // Азия и Африка сегодня. 2009, № 10, с. 43-47; № 11, с. 38-41.

⁴² Крылова Н. Расизм по-русски // Время новостей. № 1516, 20 октября 2000 г. - www.vremya.ru/2000/151/2/1895.html. Прочитано 16 мая 2011.

⁴³ O'Flynn K. Russia's Black Community // Radio Free Europe/ Radio Liberty, 2009 - www.rferl.org/content/For_Russian_Blacks_Obama_Visit_Stirs_Special_Interest/1770531.html. Прочитано 14 мая 2011.

⁴⁴ Голден Л. Телепроект «Черные россияне». Синописис - http://www.africana.ru/Golden/info/black_russians_project_engl.htm

⁴⁵ Kareithi P. Op. cit.

⁴⁶ O'Flynn K. Russia's Black Community...